

— Не надо ничего покупать, — Янь Цзою поднял маленький красный мешочек. — Вот же, у меня есть.

Обратно вел машину Сун Инь.

Янь Цзою сидел на заднем сиденье, вытащил из мешочка маленькое платице и разглядывал его. Поднес к носу, вдохнул — без сомнений, пахло лавандой, отдушка из стирального порошка.

Не стесняясь, Янь Цзою прямо на заднем сиденье скинул мокрую одежду и натянул платье, которое, пройдя через все мытарства, наконец-то вернулось к нему.

Без пяти десять вечера.

Поместье семьи Янь сияло огнями, гремела музыка, царило настоящее оживление. На деревьях и стенах висели разноцветные гирлянды. Во дворе собралась уйма народу, в центре дымился мангал, на соседнем столе красовались десерты и пиво.

Смех и говор Янь Цзою услышал, еще не выходя из машины. Непроизвольно вздохнул.

Он и не думал, что это в честь его возвращения устроили торжество. Просто госпожа Чжун, обрадовавшись, закатила маленькую вечеринку. Большинство гостей — её подружки по маджонгу, богатые дамы, и, конечно, их мужья. Три бабы — уже базар, а тут их пять, шесть, семь, восемь.

Едва он вышел из машины, как к нему бросилась стройная фигурка:

— Янь, красавчик! Давай, чмокни! Муа!

В ответ Янь Цзою скривился, отстраняя лицо матери:

— Мам, у тебя весь рот в жиру!

Чжун И — классическая обладательница овального лица, кожа белая, сияющая. Благодаря уходу, легкому макияжу, светло-сиреневому платью-бюстье и двум хвостикам, время, казалось, вовсе не тронуло её. Не скажи возраст — подумаешь, что всего восемнадцать.

Она надула губки, меняясь в лице быстрее, чем страницы в книге:

— Зови меня госпожой Чжун! Мне всего восемнадцать, ясно?!

— Да-да, госпожа Чжун.

Чжун И окинула взглядом платье на сыне и самодовольно сказала:

— Вот почему, когда я сегодня пересчитывала вещи в твоём шкафу, одного платья не хватало! Оказывается, на тебе. Ну что, мамино платье тебе очень нравится?

— Погоди, а лицо-то что? — Чжун И подняла руку, ухватив сына за щёку (не жалея, настоящая мать). — Только вернулся — и уже где-то набедокурил? Не можешь хоть пару дней пожить спокойно?

— Больно-больно-больно! — Янь Цзою заверещал, отбиваясь. — Брат, спускайся скорее, спаси!

Сун Инь вышел из машины, усмехаясь:

— Госпожа Чжун, Янь только что всю дорогу твердил, как соскучился по вам.

Чжун И отпустила сына, обняла Сун Иня за шею и чмокнула в щёку:

— Инь, сколько времени тебя не видела! Если бы не Янь, ты бы и не заглянул. Хм, разлюбил, что ли?

Сун Инь достал пару серёг с рубинами:

— Госпожа Чжун, когда я в Париже их увидел, сразу подумал — вам идеально подойдут.

Чжун И в последнее время души не чаяла в винтажных украшениях вроде серёг и кольца. Взглянув на подарок, она сразу поняла — Сун Инь старался. Была рада, что о ней помнят, и тут же сняла свои серьги:

— Инь, мне так нравятся! Помоги надеть.

Сун Инь надел одну серёжку, а вторую уже перехватил Янь Цзою, который с энтузиазмом предложил:

— Брат, вторую я сам!

Не успел Сун Инь ответить, как госпожа Чжун взбунтовалась, шлёпнув сына по заднице:

— Ты-то? Вечно всё портишь. Пусть лучше Инь.

Но чем больше она сопротивлялась, тем упорнее Янь Цзою цеплялся, не отдавая серёжку. Как она ни тянула — не отдавал.

Что ж, её сынок — вылитая она, упрямый как чёрт.

Поэтому Чжун И оттолкнула назойливого Янь Цзою и, взяв Сун Иня под руку, направилась к шумной компании, бросив упрянца:

— Инь, ты ужинал?

— Чуть-чуть.

— Отлично, значит, ещё поешь.

Янь Цзою же, как ни в чём не бывало, поплёлся следом.

У мангала сидели Янь Чжицин и толстый повар семьи Янь. Янь Чжицин, отец Янь Цзою и глава семейства, с сосредоточенным видом жарил бараньи и овощные шашлычки, возведя процесс в ранг искусства.

Янь Чжицин славился в их кругу как муж, боготворящий жену. И на людях, и с глазу на глаз он обращался с ней, как с императрицей.

Чжун И, увлекая за собой Сун Иня, щеголяла перед компанией богатых дам, словно и не родного сына имела.

Те окружили Янь Цзою и Сун Иня, наперебой восхищаясь «золотой парой».

Янь Цзою, кое-как водрузив на мать вторую серёжку, сбежал под предлогом.

Второй этаж, комната.

Янь Цзою, помывшись и переодевшись в удобную пижаму, растянулся на кровати, болтая по телефону с Чэн Хао. Местные дела улажены — пора думать об их с Чэн Хао планах.

Янь Цзою уже двадцать три. Чтобы избежать сватов, он когда-то поклялся Чжун И на чём свет стоит, что к двадцати четырём себя «пристроит».

— Чэн Хао, не слушаю! Послезавтра утром ты обязан прилететь. Договаривались — открыто заявим о себе! Не прилетишь — забудь не только про секс со мной, но даже про то, чтобы просто обо мне помечтать.

На другом конце, в Америке, на широкой кровати. Рядом с Чэн Хао лежала длинноволосая модель, всё норовившая прижаться. Услышав капризный голос, Чэн Хао с брезгливостью отодвинул модель и сосредоточился на разговоре:

— Прилечу, обязательно прилечу. Но если прилечу, ты согласишься переспать со мной?

Янь Цзою замялся. Его странная болезнь тогда вылезет наружу! Ладно, будь что будет. Неуверенно буркнул:

— Конечно.

— Хорошо, послезавтра я обязательно буду.

Сбросив трубку, Янь Цзою лежал, глядя в потолок, и предавался беспорядочным мыслям. Его сознание скакало: то он думал, как наконец-то сможет открыто быть с Чэн Хао, то о том, что больше не придётся мучиться в платьях по прихоти госпожи Чжун, то о том, что пора бы сменить причёску...

И вдруг ни с того ни с сего вспомнил про Гу Та. Хоть тот и помог, но парень был высокомерный и язвительный. Настоящий бедняк, а ведёт себя как неприступный снежный король, хоть стукни. Просто невыносим.

Обиду терпеть нельзя. Надо отомстить!!!

Пока Чэн Хао не приехал, надо успеть расквитаться, чтобы потом со спокойной душой укатить с ним в Америку навстречу свободе.

Внизу по-прежнему гудело. Чжун И даже пригласила известного пианиста. Шашлыки под фортепиано — «высокий» стиль, что и говорить.

Видя, что Янь Цзою уже сбежал, Сун Инь тоже загорелся идеей улизнуть.

Как раз вышла Кан Цин с десертами, и Сун Инь поднялся помочь. Десерты были миниатюрные, изящные, красиво разложенные на блюде.

— Мама, вы только выздоровели, не перетруждайтесь.

Кан Цин неспешно спросила:

— А что с лицом у Яня?

Сун Инь взял кусочек кремowego мусса и положил в рот:

— Давно не пробовал вашей стряпни.

— Ты сегодня был с Янем? Почему он лицо разбил? Почему не присмотрел?

— Янь вам сказал?

Кан Цин ударила Сун Иня по лицу:

— Сколько раз твердила — присматривай за Янем. Почему не слушаешь?

Чжун И, заметив, что Сун Инь задерживается, увидела, как Кан Цин бьёт его. Подбежала, схватив Кан Цин за руку:

— Что случилось? Никаких волнений — нельзя ребёнка бить, тем более при всех. Инь уже взрослый, нужно сохранить ему лицо.

Кан Цин тяжело вздохнула:

— Чжун И, я неважно себя чувствую, пойду наверх отдохнуть.

Уходя, не забыла бросить Сун Иню:

— Остайся, помоги тут.

Сун Инь посмотрел на тарелку с кремowym муссом, взял ещё несколько кусочков и направился к мангалу.

Встал рядом с Янь Чжицином, наблюдая, как пламя то взмывает, то опадает. Молчал.

Наконец, хриповато произнёс:

— Дядя Янь, давайте я помогу.

— Плачешь? — Янь Чжицин поднял на него взгляд, полный нежности, вся мягкость отразившись в улыбке. — Вот ребёнок, сколько лет прошло, а ты всё так же — слёзы близко.

<http://bllate.org/book/16261/1463115>